

УДК 1 (091)

ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ РЕВИЗИЯ МАРКСИЗМА: ВЛИЯНИЕ ИДЕЙ А. ГЕРЦЕНА НА ФИЛОСОФИЮ М. ЛИФШИЦА¹¹

Машукова Е. Ю.

Военно-космическая академия имени А.Ф.Можайского, г.Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: lilacrainbow@yandex.ru

Предметом данного исследования является влияние идей А. Герцена на философию М. Лифшица. В статье предлагается сравнительный анализ идей А. И. Герцена, русского социалиста и революционера, и концептов М. А. Лифшица, советского философа, эстетика, считавшего себя наследником Октябрьской революции. Актуальность данного исследования определяется интересом к советскому проекту, защитником которого выступал один из самых крупных советских интеллектуалов – М.А. Лифшиц. Методологически работа базируется на историко-философском анализе первоисточников и исследовательской литературы. В результате исследования автор обнаруживает, что многие идеи Лифшица были впервые высказаны Герценом. Это представление о многовариантности развития истории, поиск третьего пути, позволяющего избежать крайностей двух противоположностей, идея сохранения культурного наследия человечества как важнейшей задачи построения социализма, критика мещанства, вера в особые качества русского народа, понимание того, что важнейшим условием построения нового справедливого общества является рост сознательности народа. Ряд отступлений от марксистской теории позволяют предположить, что Лифшиц предпринимает частичную гуманистическую ревизию марксизма. Это выражается, в частности, в приоритетном внимании к нравственному развитию человека и пренебрежении политическими и экономическими аспектами социального преобразования.

Ключевые слова: Лифшиц, Герцен, история, революция, культура, консерватизм, мещанство, марксизм, эстетика, гуманизм, ревизия.

В последнее время мы наблюдаем рост интереса к наследию Михаила Александровича Лифшица. Издаются книги «обыкновенного марксиста», проводятся открытые лекции, круглые столы, на которых обсуждается его творческое наследие. И главный вопрос для обсуждения: почему его мысли оказываются востребованными сегодня? Можно предположить, что возрождение интереса к творчеству Лифшица во многом связано с попыткой разобраться, в чем

¹¹Статья подготовлена при поддержке РФФИ (проект № 18-011-01042 А «Консервативные идеи в советской философии и литературе (круг М. А. Лифшица)».

была ценность советского проекта, убежденным сторонником которого выступал один из крупнейших интеллектуалов советской эпохи.

Лифшиц считал себя марксистом и всю жизнь боролся против вульгарного марксизма, потому что полагал, что точно знает, каким должен быть подлинный марксизм. Он был эстетиком, который делом всей своей жизни считал борьбу с модернизмом, потому что был уверен, что точно знает, каким должно быть настоящее искусство. Эти два феномена – вульгарный марксизм и модернизм, для Лифшица были явлениями одного порядка, олицетворявшими мещанство, пошлость, обывательщину, – то, чего он не переносил ни в искусстве, ни в науке, ни в жизни. Лифшиц называл себя консерватором, потому что боролся с современностью за возвращение к подлинному человеческому существованию. Это всегда очень актуально – как сохранить человеческое в человеке. Об этом же размышлял и А.И. Герцен.

Внимательное чтение Лифшица обнаруживает, что Герцен является не просто автором, который часто упоминается советским философом. Во многом влияние первого русского социалиста на Лифшица является недооцененным. Между тем, в исследованиях творчества советского мыслителя продолжает доминировать точка зрения, согласно которой он, прежде всего, – последовательный марксист, верный букве и духу этого учения. Думается, что такая линия рецепции ослабляет наше понимание того, в какой степени Лифшиц был обязан наследию русской революционно-демократической мысли, и особенно Герцена. Таким образом, целью исследования является обнаружение концептуального влияния Герцена на философию Лифшица с помощью сравнительного текстуального анализа.

Следует отметить, что существует обширная литература о Герцене, творчеству Лифшица посвящено гораздо меньшее количество исследований (здесь следует в первую очередь упомянуть статьи и книги В. Арсланова). Работ, в которых бы прослеживалось влияние идей Герцена на концептуальные построения Лифшица, исследователь не обнаружил. Тем не менее, определенной поддержкой автору было мнение профессора А. Майданского, суть которого в том, что Лифшиц в гораздо большей степени является наследником Герцена и Белинского, чем Гегеля и Маркса [1].

Герцен – один из наиболее цитируемых писателей Лифшица. Более того, идеи, впервые высказанные Герценом, будут интерпретированы и развиты в философии советского мыслителя. Конечно, когда речь идет о фигуре такого масштаба как Лифшиц, вряд ли мы можем говорить о простом заимствовании, скорее, – о схожем психологическом складе личности, об одинаковых ценностных ориентациях.

Первая параллель между мыслителями обнаруживается в их отношении к истории. Необходимо отметить, что для Лифшица, при всем его декларируемом марксизме, характерен эстетический взгляд на историю. Данный тезис подтверждает А. Майданский:

«Лифшиц видит в истории драму страстей и идей, не вдаваясь в серьезный анализ стоящих за ними производственных отношений и не пытаясь выводить

формы общественного сознания из условий экономической жизни людей в духе марксова анализа «фетишизма товаров». «Вот и на революцию Лифшиц смотрит «патетическим» взором художника и философа, а отнюдь не практическим глазом экономиста» [2, с.4].

В дискуссии 1930 г. под председательством Д. Рязанова Лифшиц выступил с концепцией истории, которую Рязанов назвал «эстетической», с чем Лифшиц был совершенно согласен, поясняя это так:

«...эстетическая точка зрения» может быть названа также диалектической или, если угодно, всемирно-исторической. Во времена Фихте она называлась трансцендентальной, и Фихте справедливо говорил, что искусство делает трансцендентальную точку зрения «обыкновенной», то есть наглядно связывает наш обычный мир с бесконечностью... Жалкое зрелище представляла бы культура двуногого существа без перьев, если бы не было этой «эстетической точки зрения», если бы все расчеты действительной жизни можно было свести точка в точку при помощи сдачи, как в мелочной лавке» [3, с. 296].

Но и для Герцена было характерно *эстетическое понимание истории*, не случайно К. Леонтьев называет его «гениальным эстетиком», отталкиваясь от термина самого Герцена «историческая эстетика», который был им обоснован в главе «VenezialaBella» из «Былого и дум». В этой главе Герцен показал, что феномен Венеции с утилитарной точки зрения «гениальное безумие», поскольку этот город построен «там, где город построить нельзя». «Но великолепная роскошь венецианских дворцов доказывает, что история развивается по законам эстетики, где критерием развитости выступают высшие достижения человеческого духа» [4, с.161].

Лифшиц как то сказал: «...история есть великая поэтесса, которая пишет свои трагикомедии железом и кровью» [5, с. 147]. Это очень походит на «растрепанную импровизацию истории» Герцена, но не на концепцию материалистического понимания истории К. Маркса, чья формационная теория не допускала никаких отклонений.

Лифшиц, как и Герцен, признает вариативность истории и необходимо признать, что и в этом вопросе он явно отходит от ортодоксального марксизма.

Герцен не только подчеркивал вариативность истории («импровизация, а не развитие по заранее заданному либретто»), для него характерен поиск третьего пути, позволяющего избегать крайностей двух противоположностей. Он противник всякой односторонности: «...реальный смысл и реальное понимание жизни именно и обнаруживается в остановке перед крайностями» [6, т.10, с.320]. Поиск так называемого третьего пути был сформулирован в философии «щели», идею которой Лифшиц заимствует у Герцена: людям кажется, что у них нет альтернативы: либо то, либо это, но на самом деле есть третий путь... «Щель, которую находит классика, это скорее ворота в бесконечность, обретение абсолютного смысла...» [7, с. 22] иначе говоря, под понятием «щели» Лифшиц тоже понимает некий средний путь, как он говорит *tertium datur* (третье данное), снимающее крайности двух противоположностей.

Другая важная линия аргументации, которую Лифшиц заимствует у Герцена, – отношение к революции.

М. А. Лифшиц одним из первых осознал нашу революцию как начало целой всемирно-исторической эпохи, которая имеет своей целью, по его определению, *Restauratio Magna*, т.е. *Великое Восстановление* безусловных достижений всей мировой культуры.

Но идею нового социального порядка, который *должен быть* не только мечом рубящим, но и силой хранительной», впервые высказал Герцен, в письмах «К старому товарищу», в полемике с апологетом разрушения М. Бакуниным [6, т. 20, кн. 1, с. 581].

Лифшиц любил повторять слова Герцена о том, что революция должна быть силой хранительной (хотя Герцен говорил о новом социальном порядке, а не о революции), но, если Герцен говорил о том, что должно быть, то Лифшиц развивая и интерпретируя его мысль, говорит о том, что Октябрьская революция, несмотря на террор, разрушение памятников культуры, действительно выступила силой хранительной, сохранив то вечное в мировой культуре, которое отвергалось буржуазной цивилизацией. И наши достижения в художественной культуре Советского периода – в музыке, литературе, живописи, в театре, кинематографе действительно доказывают этот тезис.

Как известно, Герцен верил в особый дух русского народа, в который не верил просветитель Чернышевский, но в который также верил и Лифшиц. Эту парадоксальную диалектику исторического развития духа народов Лифшиц разъяснил в своих лекциях о мировом значении русской культуры, читанных в августе – сентябре 1943 года, так, говоря о преимуществах русского народа, он подчеркивал: «Настоящая храбрость есть у человека, который не слишком преувеличивает опасность и который вместе с тем, достаточно ясно ее понимает... Таково преимущество сознательного человека, подлинно культурного, когда непосредственная, простая, элементарная основа в нем еще не испорчена, а развитие уже получено» [8, с. 99].

Как известно, Герцен тоже полагал, что преимущество русского народа в том, что его «элементарная основа» не испорчена, что он социалист по инстинкту, так как у него нет мещанского представления о собственности. В сущности, теория русского социализма была основана на идее привития личностного (западноевропейского) начала «социальному по инстинкту» русскому народу. Более того, Герцен полагал, что наличие общины – вовсе не главное условие для того, чтобы Россия осуществила идеалы социализма:

«...есть нечто в русской жизни, что выше общины и сильнее государственного могущества...». Это «нечто» Герцен усматривает во «внутренней, не вполне сознающей себя силе», которая «независимо от всех внешних событий и вопреки им, сохранила русский народ» [6, т. 6, с. 199].

В ходе своих историко-культурных исследований Лифшиц в 1930-е годы создал свою концепцию «великих консерваторов человечества» от Аристофана до Гёте, Бальзака, Пушкина, Достоевского. Великая культура создана консерваторами, полагал Лифшиц. По мнению Лифшица, есть такой консерватизм, который гораздо

важнее для прорывов в будущее, чем все самые радикальные революционные попытки. Погубить революцию могут сами революционеры, чья революционная программа воплотит идеалы «звериной справедливости». Справедливость с человеческим измерением создана великой культурой, наследником которой является марксизм.

Характерно, что Лифшиц называл социализм Герцена консервативным и полагал, что: «Консервативный социализм Герцена приближался к социализму научному в понимании необходимости *социального развития* как условия победы нового общества»[9, с. 80].

Тема народа и его сознательного развития – центральная в статье «Читая Герцена», которую Лифшиц написал в 1962 году к 150-нему юбилею мыслителя. Предмет рассмотрения – работа Герцена «Письма к старому товарищу», анализируя ее, Лифшиц высказывает идеи, которые являются стержнем его собственной философской позиции.

По сей день продолжают споры о необходимости Октябрьской революции, которую сейчас модно называть просто «переворотом», отрицая таким образом объективные причины этого величайшего события мировой истории. В противоположность современному мейнстриму, Лифшиц также, как ранее и Герцен, признает полное право народа на изменение своей судьбы, право, которое обусловлено многовековым угнетением и несправедливостью:

«Только хороший урок, от которого трещат бока, может отучить культурных людоедов, антропофагов, как называет их Герцен, от кровавой привычки терзать народы, мучить и убивать каждого, кто мешает их богатству, их процветанию, прикрывая свою повседневную благообразную антропофагию лицемерной гуманностью, фразами о свободе личности. Но чем дольше держится насилие над массами, тем страшнее сила отпора»[там же, с. 65]. Другой важный вопрос связан с отношением революционеров к широкой массе в ходе строительства новой жизни. То, что объединяет Герцена и Лифшица, – это отношение к народу.

Старое общество держится не столько силой, сколько признанием, чтобы одолеть эту привычку, нужно пробудить *сознательность масс*, считает Герцен: «Обойти процесс понимания так же невозможно, как обойти вопрос о силе. Навязываемое предписание всего, что составляет вопрос, поступает очень бесцеремонно с освобожденным веществом»[6, т. 20, кн.1, с. 583].

В сборнике статей «Мифология древняя и современная» Лифшиц пишет о том, как пытаются людей в XX веке сделать несознательными, законсервировать эту несознательность, манипулируя ими. Между тем, нет ничего опаснее для победы коммунистических идеалов над предубеждениями, чем недоверие большой массы людей, движимых в сторону коммунизма их реальными интересами:

«...в современном мире есть много таких демократов, и притом из самых левых, которые смотрят на массу с высоты своего авангардизма, считая ее отсталые идеи и вкусы главным источником общественного зла. Эта сомнительная демократия, основанная на отталкивании от потребностей большинства, – скорее новая аристократия...»[10, с. 91].

Духовное развитие народа и есть действительная революция, утверждает Лифшиц, поэтому необходимо соединение интеллектуалов с простыми людьми посредством культуры, которую будут передавать интеллектуалы, иначе этой «щелью» воспользуются другие люди для манипуляции, для охлократии. В сборнике «Что такое классика» он утверждает: правый популизм есть меньшинство, которое себя обожествляет, не передавая культуру другим, а репрезентируя себя... Но, новый социальный порядок, основанный на принципах справедливости, будет возможен лишь тогда, когда у всех людей будет «сознательное сознание»: «Не абстрактная антитеза элиты, свободных и так далее против темноты и несвободы, а непременно вместе с массой и поскорее к ликвидации позорного неравенства с ней»[11, с. 115].

Думается, что для Лифшица, как и для Герцена, социализм это прежде всего нравственный идеал, и поэтому одним из самых главных препятствий на пути к новому общественному устройству является мещанство, а его критика занимает важное место в творчестве обоих мыслителей. Безусловные достижения человеческого духа с середины XIX века стали подвергаться отрицанию классовой цивилизацией, утверждает Лифшиц, но об этом одним из первых (раньше Ницше и Шпенглера) заговорил Герцен. Мещанство, по определению Герцена, это не только сконцентрированность на вопросах собственности, но и «постоянное мельчание жизни», «постоянное исключение из нее общечеловеческих интересов», «сведение ее на интересы торговой конторы и мещанского благосостояния». Мещанство это «умеренность и аккуратность», «мелкие недостатки и мелкие достоинства», «с мещанством стираются личности», «все пошлеет, мельчает»[6, т.16, с.136-139].

Сравним с размышлениями Лифшица, который постоянно говорил о «мещанстве нового типа, свойственного нашему времени», о мещанах XX века, о «звонарях науки, измеряющих значение научного дела количеством изданных страниц и внешней законченностью изложения»[10, с.198]: «В современном мире, как в политике, так и в быту, господствует массовая рассудочная логика более чем средних людей» [7, с. 65]; «Нужно было написать книгу: «Современная идеология. Критика нечистого разума», «Страшно! Старая чуждая интеллигенция была во многом более своя, чем эта, вышедшая из народа»[там же, с. 74].

Для Лифшица мещанство парадоксальным образом связано с нарастающим равенством и возникающим в связи с этим неким равенством притязаний и отсутствием иерархии: «Естественно нарастающее равенство приведет к темным последствиям. Послушайте с каким презрением не худо живущие пролетарии неквалифицированных работ, включая уборщиц, дежурных сиделок, дворников, продавщиц толкуют об «ученых» и «училках». «Демократия смердяковская, грозящая миру некоторым понижением жажды образования. Впрочем и жажда образования как стремление к одной лишь квалификации, мания дипломов – та же смердяковщина»[там же].

Итак, можно сделать вывод, что в решении целого ряда ключевых вопросов Лифшиц по своим этическим и теоретическим установкам гораздо ближе к Герцену, чем к Марксу. Прежде всего, это эстетическое понимание истории, при котором критерием ее развития выступают высшие достижения человеческого духа;

признание вариативности истории (в отличие от жесткого детерминизма Маркса) и поиск третьего пути, представляющего собой снятие крайностей двух противоположностей; вера в особый дух русского народа (известно, что Маркс всегда считал национальную идею менее существенной, чем классовые противоречия); убеждение в том, что народ может спасти мировую культуру, отвергнув буржуазий; понимание социализма, прежде всего, как нравственного идеала, вера в то, что можно развить сознательность масс, приобщив их к мировой культуре; понимание того, что духовное развитие людей и есть подлинная революция. Но, главное, для Лифшица также как и Герцена, человек является носителем абсолютных ценностей. Лифшиц утверждает объективный характер идеалов: «Вопреки ходячим фразам нашего века, абсолютная красота существует так же, как абсолютная истина» [12, с. 233].

Таким образом, существует определенная преемственность между первым русским социалистом Герценом и убежденным защитником советской доктрины Лифшицем. Подлинной революцией для них является духовное развитие народа, а социализм, в свою очередь, представляет собой, прежде всего, этический идеал, не сводимый к экономической и политической системе.

Также можно сделать вывод о том, что Лифшиц довольно своеобразно понимал марксизм, который никогда не был для него просто суммой знаний, а был, скорее, неким итогом развития мировой культуры, вобравшим в себя все ее лучшие достижения. Данная статья не посвящена разбору разнообразных ревизий марксизма, материал марксоведения необъятный и не является целью моего исследования. Под гуманистической ревизией марксизма я понимаю следующее: для Лифшица, как и для Герцена, характерно некоторое пренебрежение экономическими и политическими аспектами социальных преобразований, во всяком случае, они не считают их приоритетными, выдвигая на первое место проблему нравственного преобразования и развития человека. В этом отношении они как бы находятся на одном «поле», хотя Герцен враждовал с Марксом и его последователями, а Лифшиц считал себя ортодоксальным марксистом. В связи с этим довольно примечательны причины вражды между Герценом и Марксом, которые подробно излагаются в работе Твардовской и Итенберга, где, в частности, утверждается, что «не одни идейные и политические расхождения способствовали отчуждению и взаимной неприязни двух выдающихся деятелей революционного движения. И вряд ли идейные и политические расхождения были главными по сравнению с морально-этическими» [13]. В частности, на примере отношения Герцена и Маркса к революции 1848 года авторы подчеркивают, что расхождения между Герценом и Марксом мировоззренческие, а не научные и политические. Взгляд Герцена на революцию шире – он общечеловеческий, поскольку Герцена волнует судьба не только пролетариата, но и нации, страны, народа, человеческого общества, а главное – личности. Например, можно вспомнить высказывание Герцена, обращенное к французскому историку Э. Кине: «Вы пролетариатом к социализму, мы социализмом к свободе». [6]. Равнодушие Маркса к этическим вопросам построения социализма отмечают и западные исследователи: «Маркс и

Энгельс весьма язвительно в отношении теоретиков, пытавшихся привести нравственные доводы в пользу социализма» [14, с. 221].

Разумеется, нельзя сказать, что Лифшиц полностью пересматривает марксизм, в частности, в критике капитализма (и модернизма) он полностью следует Марксу, принимая его логику, однако, ортодоксальным марксистом он вряд ли являлся.

В заключение необходимо сказать, что намеченные линии сравнения требуют дальнейшего развития и более детальной разработки, и в этом отношении данная статья является своего рода ориентиром для дальнейших исследований, поскольку указывает возможные пути проблематизации теоретического наследия Лифшица в свете его рецепции философии Герцена.

Список литературы

1. Михаил Лифшиц сегодня. Круглый стол в редакции Gefter.ru. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=z9dmEhX6ZI> (Дата обращения: 22. 08. 2019)
2. Майданский А. Д. Консервативная революция. Мих. Лифшиц на уроках Гегеля // Свободная мысль. – М., 2015. – № 3. – С. 209 – 220.
3. Лифшиц М. А. Собрание сочинений в 3 томах / М.А. Лифшиц. – М.: Изобразительное искусство, 1988. – Т. 1. Ветер истории. – С. 273 – 316.
4. Маслин М. А. Разноликость и единство русской философии / М.А. Маслин. – СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2017. – 526 с.
5. Лифшиц М. А. О Гегеле / М.А. Лифшиц. – М.: Grundrisse, 2012. – 314 с.
6. Герцен А. И. Собрание сочинений в 30 т. / А.И. Герцен – М.: Наука, 1954 – 1965.
7. Лифшиц М. А. Varia / М.А. Лифшиц. – М.: Grundrisse, 2010. – 172 с.
8. Лифшиц М. А. Очерки русской культуры / М.А.Лифшиц. –М.:Академический проект; Культура, – 2015 – 751 с.
9. Лифшиц М. А. Собрание сочинений в 3 томах / М.А.Лифшиц. – М.: Изобразительное искусство, 1988. – Т.3. Читая Герцена. – С. 59 –73.
10. Лифшиц М. А. В мире эстетики / М.А. Лифшиц. – М.:Изобразительное искусство, 1985. – 318 с.
11. Лифшиц М. А. Собрание сочинений в 3 томах / М.А.Лифшиц. – М.: Изобразительное искусство, 1988. – Т.3. Нравственное значение Октябрьской революции. – С. 230–258.
12. Лифшиц М. А. Собрание сочинений в 3 томах / М.А. Лифшиц. – М.: Изобразительное искусство, 1988. – Т.1. Диалектика в истории искусства. – С. 223–242.
13. Твардовская В. А., Итенберг Б. С. Русские и Карл Маркс: выбор или судьба? / В.А Твардовская, Б. С. Итенберг. – М.: URSS, 1999. – 216 с.
14. Кимлика Уилл. Современная политическая философия. М.: Изд. Дом Гос.ун-та — Высшей школы экономики, 2010. – 592 с.

Mashukova E. Yu. Humanistic Revision of Marxism: the Influence of the Ideas of Herzen on the Philosophy of M. Lifshitz // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2019. – Vol. 5 (71). – № 4. – P. 63–71.

The subject of this study is the influence of A. Herzen's ideas upon the philosophy of M. Lifshitz. The article offers a comparative analysis of A. I. Herzen's ideas and concepts and ideas of M. Lifshitz, a Soviet philosopher and aestheticist who considered himself to be the heir of the October revolution. The relevance of this study is determined by the interest in the Soviet project, which was defended by one of the most outstanding Soviet intellectuals – M. Lifshitz. Methodologically, the work is based on historical and philosophical analysis of primary sources and research literature. As a result of the research, the author discovers that many of Lifshitz's concepts and ideas were first expressed by Herzen. The idea of the multi-variant development of history, the search for a third way to avoid the extremes of two opposites, the idea of preserving the cultural heritage of

mankind as the most important task of building socialism, criticism of philistinism, faith in the special qualities of the Russian people, the understanding that the most important condition for building a new just society is the growth of consciousness of the people among them. A number of deviations from Marxist theory suggest that Lifshitz has undertaken a partial humanistic revision of Marxism. This is expressed, in particular, in the priority attention to the moral development of man and neglect of the political and economic aspects of social transformation.

Keywords: Lifshitz, Herzen, history, revolution, culture, conservatism, philistinism, Marxism, aesthetics, humanism, revision.

References:

1. Mikhail Lifshits segodnya. Kruglyy stol v redaktsii Gefter.ru [Mikhail Lifshits Today. Round Table in the Editorial Office Gefter.ru]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=z9d-mEhX6ZI> (Accessed:22.08.2019)
2. Maydanskiy A. D. Konservativnaya revolyutsiya. Mikh. Lifshits na urokakh Gegelya [Conservative Revolution. Mich. Lifshitz at the Lessons of Hegel] Svobodnaya mysl [Free thought]. Moscow, 2015, no. 3, pp. 209-220.
3. Lifshits M. A. Sobraniye sochineniy v 3 tomakh [Collected Works in 3 Volumes]. Moscow, Fine arts, 1988. Vol. 1, pp. 273 – 316.
4. Maslin M. A. Raznolikost i edinstvo russkoy filosofii [Diversity and Unity of Russian Philosophy]. Saint Petersburg, Publishing house of The Russian Christian humanitarian Academy, 2017, 526 p.
5. Lifshits M. A. O Gegele [Lifshitz M.A. On Hegel]. Moscow, Grundrisse, 2012, 314 p.
6. Gertsen A. I. Sobraniye sochineniy v 30 t. [Herzen A. I. Collected Works in 30 volumes]. Moscow, Nauka Publ., 1954-1965.
7. Lifshits M. A. Varia [Varia]. Moscow, Grundrisse, 2010, 172 p.
8. Lifshits M. A. Ocherki russkoy kultury [Sketches of Russian Culture]. Moscow, Academic project; Culture, 2015, 751 p.
9. Lifshits M. A. Sobraniye sochineniy v 3 tomakh [Collected works in three volumes] Chitaya Gertsena [Reading Herzen]. Moscow, Fine arts, 1988, Vol. 3, pp. 59 -73.
10. Lifshits M. A. V mire estetiki [In the World of Aesthetics]. Moscow, Fine arts, 1985, 318 p.
11. Lifshits M. A. Sobraniye sochineniy v 3 tomakh [Collected works in three volumes] Nравstvennoye znacheneye Oktyabrskoy revolyutsii [The moral significance of the October revolution]. Moscow, Fine arts, 1988. Vol. 3, pp. 230-258.
12. Lifshits M. A. Sobraniye sochineniy v 3 tomakh [Collected works in three volumes] Dialektika v istorii iskusstva [Dialectics in the history of art]. Moscow, Fine arts, 1988, Vol. 1, pp. 223-242.
13. Tvardovskaya V. A., Itenberg B. S. Russkiye i Karl Marks: vybor ili sudba? [Tvardovskaya V. A., Itenberg B. S., Russian and Karl Marx: choice or destiny?]. Moscow, URSS, 1999, 216 p.
14. Kymlicka Will. Modern political philosophy.] Moscow, Ed. house State University-Higher School of Economics, 2010, 592 p.